

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2024.4.44.2

УДК 314.122-053.9(470.13) | ББК 63.59:60.7:65.272(2Рос.Ком)

© **Попова Л.А., Зорина Е.Н.**

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДИВИДЕНДА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА ПОПОВА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: popova@iespn.komisc.ru
ORCID: [0000-0003-0549-361X](https://orcid.org/0000-0003-0549-361X); ResearcherID: [O-6876-2017](https://orcid.org/0-6876-2017)

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ЗОРИНА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: zorina@iespn.komisc.ru
ORCID: [0000-0003-1788-9224](https://orcid.org/0000-0003-1788-9224); ResearcherID: [J-8612-2018](https://orcid.org/J-8612-2018)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией ресурсного потенциала населения старшего возраста в сфере труда, оцениваются уровень и характер занятости пенсионеров как возможности использования второго демографического дивиденда в условиях старения населения. Информационной базой являются официальные данные Росстата и результаты трех авторских социологических исследований, проведенных в 2013, 2018 и 2023 гг. Осуществлена оценка уровня и характера трудовой деятельности работающих пенсионеров в условиях реализации политики активного долголетия, приостановки индексации пенсий работающим пенсионерам и поэтапного повышения пенсионного возраста. Установлено, что снижение уровня занятости пенсионеров, начавшееся после приостановки индексации пенсий, продолжилось и после начала повышения пенсионного возраста. По сравнению с 2015 годом занятость пенсионеров снизилась в России и Республике Коми более чем в два с лишним раза. На фоне сокращения занятости резерв трудового потенциала людей старшего возраста в 2023 году, как и по результатам исследований 2013 и 2018 гг., составляет в Коми немногим более 10%. Это свидетельствует об уменьшении трудового потенциала населения старше трудоспособного возраста, являющемся следствием многолетней

приостановки индексации пенсий работающим пенсионерам. В то же время характер занятости лиц старшего возраста стал более эффективным: больше пенсионеров трудятся на своих прежних рабочих местах на условиях полной или частичной занятости, поскольку в условиях проведения политики активного долголетия и повышения пенсионного возраста в меньшей мере проявляется возрастная дискриминация на внутреннем рынке труда. Однако в основном это касается молодых пенсионеров – с увеличением возраста пожилые работники по-прежнему вытесняются со своих рабочих мест. Стремление пенсионеров к сохранению занятости, как и 10 лет назад, преобладает только до 65 лет. В условиях нарастания экономических вызовов демографического старения обществу следует ориентироваться на максимально полное использование трудового потенциала населения старших возрастов с целью получения второго демографического дивиденда. Предстоящее возобновление индексации размеров страховых пенсий работающим пенсионерам будет способствовать росту трудового потенциала и стимулировать повышение занятости пенсионеров «средних» возрастов.

Демографическое старение, активное долголетие, второй демографический дивиденд, пенсионный возраст, трудовая деятельность пожилых людей, Республика Коми.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках темы НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9).

Введение

В условиях восстановления в 2022 году тенденции роста продолжительности жизни населения¹ в России ускоряются процессы демографического «старения сверху», которое определяется увеличением числа пожилых и старых людей прежде всего в результате сокращения смертности в старших возрастах. Среди концепций в области старения населения, которые вырабатываются в качестве ответной реакции на его вызовы, доминирующей является Концепция активного долголетия, сформулированная в 2002 году в Мадриде. Согласно Концепции, активное долголетие заключается в оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и безопасности с целью повышения качества жизни людей в ходе их старения. В соответствии с этим были сформулированы действия для сохранения и улучшения здоровья людей

пожилого возраста, их вовлечения в различные сферы общественной жизни, включая экономическую, а также для создания безопасного окружения – физического, психологического, социального². В России на уровне Правительства обсуждаются перспективы разработки и реализации Концепции политики активного долголетия, адаптированной под российские реалии³. А пока политика активного долголетия, направленная на сохранение здоровья, физической активности, развитие культурных интересов и обеспечение условий для участия пожилых людей в экономической и социальной жизни, определяется утвержденной в 2016 году Стратегией действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года⁴. По мнению исследователей, при формировании и реализации политики активного долголетия наиболее целесообразно акцентировать внимание на

¹ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 15.08.2024).

² World Health Organization (2002). Active Ageing – A Policy Framework. A contribution of the World Health Organization to the Second United Nations World Assembly on Ageing, Madrid, Spain, April 2002. Geneva, Switzerland: World Health Organization.

³ Концепция политики активного долголетия (2020): науч.-методол. докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва.

⁴ Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420334631> (дата обращения 15.08.2024).

трудоустройству людей старшего возраста, при учете, безусловно, остальных направлений политики⁵. Данная статья посвящена рассмотрению вопросов реализации ресурсного потенциала населения старшего возраста в сфере труда, оценке уровня и характера занятости пенсионеров как возможности использования второго демографического дивиденда.

Методы и источники

Методологической основой исследования являются общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. В работе использованы системный подход, динамический и сравнительный анализ, статистические и социологические методы исследования, табличный и графический приемы визуализации данных. Теоретической базой послужили научные работы ведущих демографов, социологов и экономистов, посвященные вопросам старения населения и использования второго демографического дивиденда. Информационную базу исследования составили данные официальной статистики и результаты трех социологических обследований населения старше 55 лет, проведенных авторами в 2013 году (Попова, Зорина, 2014), 2018 году (Попова, Зорина, 2019; Попова, Тараненко, 2019; Попова, Зорина, 2020а; Попова, Зорина, 2020б; Попова, Зорина, 2020с) и 2023 году (Попова, Зорина, 2024б). В 2013 году было опрошено 932 человека, в 2018 году – 1521, в 2023 году – 1482 человека. При разных объемах выборочных совокупностей их основные характеристики (по полу, возрасту, типу поселения, уровню образования, семейному статусу) являются почти идентичными, что позволяет сравнивать результаты трех обследований – с учетом при проведении сравнительного анализа некоторых общих особенностей выборок (повышенный процент женщин, сельских жителей и лиц с высоким уровнем профессионального образования). Для того чтобы очистить результаты

от влияния гендерного, межпоселенческого и образовательного дисбаланса выборок, а также учесть возрастную дифференциацию, мы включали эти характеристики в качестве дополнительных разрезов анализа.

Результаты исследования

В 1998 году в научный оборот было введено понятие «демографический подарок» (demographic gift), которым назвали ситуацию, когда увеличение доли лиц трудоспособного возраста в возрастной структуре населения приводит к ускорению темпов экономического роста (Bloom, Williamson, 1998). Впоследствии это явление стали называть «демографическим дивидендом» (demographic dividend) (Bloom et al., 2003; Mason, 2005; Lee, Mason, 2006; Mason, Lee, 2006; Mason, Kinugasa, 2008; Bloom, Finlay, 2009; Williamson, 2013). Одним из важных свойств демографического дивиденда является его временный характер, что обусловлено трансформацией возрастной структуры в ходе демографического перехода: «окно демографических возможностей» в определенный момент «захлопывается», уступая место этапу старения населения (Bloom et al., 2001; Bloom et al., 2003; Bloom, Canning, 2003; Mason, 2005; Bloom et al., 2010). В условиях глобального тренда старения населения и снижения доли лиц трудоспособного возраста все больше стран переходят к этапу отрицательного демографического дивиденда, который в научной литературе называют также «демографическим бременем» (demographic burden, demographic drag) (Барсуков, 2019; Van Der Gaag, De Beer, 2015; Kotschy, Bloom, 2023). Для стран, вступивших в этап старения населения и снижения доли лиц трудоспособного возраста, актуальной проблемой становится разработка мер для компенсации отрицательного демографического дивиденда, одной из которых является создание стимулов для работы в старших возрастах, т. е. проведение политики активного долголетия в сфере труда. Таким образом,

⁵ Васильева Е.В. (2023). Формирование и реализация политики активного долголетия в условиях старения населения России: дис. ... д-ра экон. наук: 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономика народонаселения и экономика труда). Екатеринбург.

старение населения – это причина, по которой возможность получения демографического дивиденда прекращается, однако этот же демографический тренд создает потенциал для реализации второго демографического дивиденда, действие которого может носить постоянный характер (Mason, 2005; Доброхлеб, Барсуков, 2017). Люди старшего возраста обладают значительным ресурсным потенциалом: важными и нужными современному обществу знаниями, социальным, профессиональным и духовным потенциалами. Здоровое и активное долголетие позволяет удлинить период трудовой занятости за пределы традиционного возраста выхода на пенсию, увеличить численность трудоспособной части населения и снизить демографическую нагрузку пожилыми (Sidorenko, 2019; Барсуков, Калачикова, 2020; Доброхлеб и др., 2022; Казбекова, Калабихина, 2023).

На протяжении 2000-х гг. доля работающих пенсионеров по старости в России устойчиво увеличивалась, достигнув в 2015–2016 гг. практически 40% (Попова, Зорина, 2024а). В Республике Коми благодаря значительному количеству молодых пенсионеров в связи с льготным пенсионным возрастом (граждане, проработавшие 15 лет в районах Крайнего Севера или 20 лет в районах, приравненных к нему, при наличии страхового стажа 20 лет для женщин и 25 лет для мужчин, имеют возможность оформления пенсии на 5 лет раньше, чем в целом по стране⁶) занятость пенсионеров стабильно выше (рис.). В 2015 году она составила 53,3%.

Однако в 2016 году повсеместно в стране произошло резкое снижение уровня занятости пенсионеров, очевидно, связанное со вступлением в силу Федерального закона № 385-ФЗ⁷, который приостановил с 1 января 2016 года индексацию пенсий

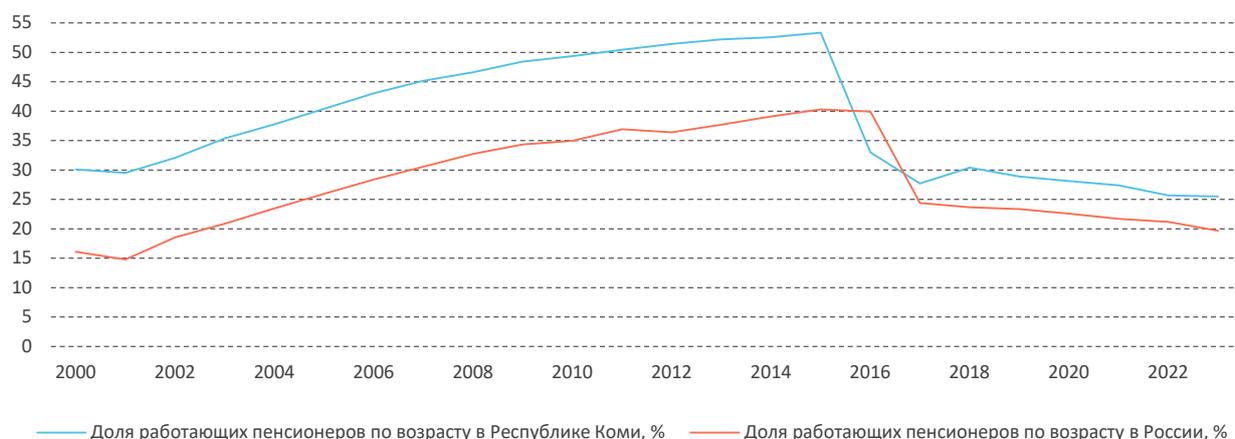

Рис. Доля работающих пенсионеров по возрасту в Российской Федерации и Республике Коми в 2000–2023 гг., %

Источники: Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 15.08.2024); Социальное положение и уровень жизни населения России – 2021 (2021): стат. сб. / Росстат. Москва; Социальное положение и уровень жизни населения Республики Коми (2022): стат. сб. / Комистат. Сыктывкар; Демографический ежегодник Республики Коми – 2023 (2023): стат. сб. / Комистат. Сыктывкар; Официальный сайт Комистата. URL: <https://11.rosstat.gov.ru> (дата обращения 15.08.2024).

⁶ О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, при назначении и перерасчете пенсий: Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786 (дата обращения 15.08.2024).

⁷ О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 385-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/71294564> (дата обращения 15.08.2024).

работающим пенсионерам. Снижение доли работающих пенсионеров продолжалось и в последующие годы, в том числе после начала поэтапного повышения пенсионного возраста⁸. В 2023 году она составила в Коми 25,5%, т. е. уменьшилась по сравнению с 2015 годом более чем в два раза. Поэтому принятие федерального закона о возобновлении с 1 января 2025 года индексации размеров страховых пенсий работающим пенсионерам⁹ следует признать исключительно правильным решением.

Обследование «Проблемы третьего возраста», проведенное в 2023 году на территории Республики Коми с целью исследования уровня жизни, социального самочувствия и ресурсного потенциала пожилых людей в условиях реализации в России политики активного долголетия, начавшегося поэтапного повышения пенсионного возраста и ситуации постковида, содержит блок вопросов, касающихся занятости. В 2023 году возраст выхода на пенсию достиг в России 58 лет для женщин и 63 года для мужчин. В Республике Коми в условиях льготного северного пенси-

ного законодательства он составил для женщин 53 года, для мужчин 58 лет. Т. е. с учетом гендерного соотношения выборки подавляющее большинство опрошенных в 2023 году в возрасте 55 лет и старше являлись пенсионерами по возрасту.

На вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» 27,9% опрошенных в 2023 году ответили утвердительно. Это значительно меньше, чем в 2018 году, когда положительный ответ на этот вопрос дали треть респондентов (33,7%). Однако в обоих исследованиях цифры практически соответствуют уровню официальной занятости пенсионеров в соответствующие годы, что свидетельствует о достаточной близости выборки обследования с генеральной совокупностью по этой характеристике и повышает достоверность анализа вопросов занятости.

Характер занятости опрошенных очень похож на зафиксированный обследованиями 2013 (Попова, Зорина, 2014) и 2018 гг. (Попова, Зорина, 2020b). В 2023 году 70,0% занятых респондентов (в 2018 году 65,9%) работали полную трудовую неделю на прежнем месте работы (табл. 1). Еще 7,2% труди-

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Если Вы работаете, то как Вы можете охарактеризовать свою работу?»

Вариант ответа	Валидный % (от количества работающих: 414 чел.)	Общий % (от количества участников опроса: 1482 чел.)
Работаю полную трудовую неделю по прежнему месту работы	70,0	19,6
Работаю на часть ставки (несколько дней) по прежнему месту работы	7,2	2,0
Работаю полную трудовую неделю на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и пр.)	11,8	3,3
Работаю на часть ставки (несколько дней) на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и пр.)	6,8	1,9
Работаю на себя (у меня свой бизнес)	2,7	0,7
Занимаюсь сетевым маркетингом (распространение продукции)	0,2	0,1
Работаю на дому	1,0	0,3
Другое	0,2	0,1
Всего	100,0	27,9

Источник: данные социологического обследования «Проблемы третьего возраста», проведенного в 2023 году (ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН).

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156 (дата обращения 15.08.2024).

⁹ О внесении изменений в статью 17 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статью 26-1 Федерального закона «О страховых пенсиях»: Федеральный закон от 8 июля 2024 г. № 173-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407080017> (дата обращения 15.08.2024).

лись на старой работе в рамках частичной занятости (в 2018 году – 7,0%). Т. е. более 77% экономически активных участников опроса (что составляет 21,6% всех опрошенных) работали на своих прежних рабочих местах. 11,8% работающих респондентов заняты полную неделю на работе, не требующей квалификации, на которую обычно устраиваются пенсионеры (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и пр.; в 2018 году занятых полный день на неквалифицированной работе было 16,2%). 6,8% занятых трудятся на такой работе на часть ставки (в 2018 году – 6,6%). 2,5% работающих опрошенных имеют собственный бизнес (2,7%). Остальные 1,4% занятых респондентов ответили, что работают временно по договору или трудятся в общественной организации.

По-видимому, это достаточно устоявшаяся структура занятости населения старшего возраста в регионе. Главные отличия результатов обследования 2023 года: во-первых, среди работающих людей старше 55 лет заметно больший процент работающих на полную ставку по прежнему месту работы (70,0% против 65,9% в 2018 году) и за счет этого больший процент в целом работающих на старом рабочем месте (77,2 и 72,9%), во-вторых, меньший процент работающих на полную ставку на неквалифицированной работе (11,8 и 16,2%). Очевидно, что в последние годы в условиях проведения политики активного долголетия и повышения пенсионного возраста достижение человеком возраста выхода на пенсию перестает быть достаточным основанием для вытеснения его с привычного рабочего места, т. е. возрастная дискриминация на внутреннем рынке труда проявляется в меньшей мере.

С увеличением возраста процент работающих пенсионеров закономерно убывает. Среди 55–59-летних опрошенных работают 66,2%, в 60–64 года заняты 36,1% респондентов, в 65–69 лет – 16,5%, в 70–74 года – 8,5%, в 75–79 лет – 4,4%. На фоне снижения уровня занятости пенсионеров в 2023 году продолжился зафиксированный в 2018 году тренд роста уровня занятости молодых пенсионеров и заметного уменьшения процента

работающих пенсионеров в возрасте старше 65 лет. Дальнейшему повышению занятости в ранних пенсионных возрастах, на наш взгляд, способствует снижение дискриминации молодых пенсионеров на внутреннем рынке труда в условиях реализации политики активного долголетия и поэтапного повышения пенсионного возраста, а также непосредственно само его повышение. Сокращению занятости старших возрастных категорий на момент проведения обследования по-прежнему содействует приостановка индексации пенсии для работающих пенсионеров, поскольку пенсионеры старших возрастов имели возможность до 2016 года реально ощутить прибавку к пенсии от ежегодных индексаций. Вероятно, возобновление в 2025 году индексации размеров страховых пенсий работающим пенсионерам будет стимулировать в республике рост занятости пенсионеров «средних» возрастов – до 65–69 лет.

Как и в 2013 и 2018 гг., с возрастом не только сокращается удельный вес работающих пенсионеров, но среди них уменьшается процент занятых на прежних рабочих местах на условиях полной рабочей недели. Т. е. снижение возрастной дискриминации на внутреннем рынке труда касается только молодых пенсионеров, а более пожилые работники по-прежнему вытесняются со своих рабочих мест. Хотя отсутствие возрастной закономерности при работе на полную ставку на неквалифицированной работе свидетельствует о наличии желания и возможности работать и в старших возрастах.

При этом хорошо известно, что люди зрелого возраста имеют низкую конкурентоспособность на внешнем рынке труда. Уже в старших трудоспособных возрастах довольно трудно устроиться на новое место по специальности. С самого начала реформ 1990-х гг. на российском рынке труда проявилась открытая форма дискриминации по возрасту – вплоть до указания в объявлениях о вакансиях возраста потенциальных работников (Хоткина, 2013). По оценкам исследователей, в 2012 году возрастная дискриминация при приеме на работу опережала гендерную почти в два раза (Козина,

Зангиева, 2014). Поправки в Закон о занятости населения, запрещающие открытую дискриминацию в объявлениях о вакантных рабочих местах, были приняты лишь в 2013 году¹⁰. Однако скрытые дискриминационные практики остались, особенно при устройстве на престижную и высокооплачиваемую работу, на которую работодатели предпочитают брать соискателей не старше 35–40 лет (Левинсон, 2011). При этом отказ в приеме лиц старшего возраста может объясняться несоответствием кандидата по другому признаку, и доказать возрастную дискриминацию практически невозможно.

Как и в предыдущих обследованиях, в 2023 году прослеживается четкая прямая зависимость занятости населения старше 55 лет от уровня образования. Отчасти, конечно, она может быть обусловлена тем, что более высоким уровнем образования характеризуются молодые возрастные категории пенсионеров, но и по отдельным возрастным группам также заметна прямая связь с образованием.

Если обследования 2013 и 2018 гг. выявили более высокую занятость городских пенсионеров, то обследование 2023 года существенных различий в уровне занятости пенсионеров по типу населенных пунктов не зафиксировало. В городской местности работают 28,9% опрошенных лиц старше 55 лет, в сельской – 26,3%. На наш взгляд, такое межпоселенческое выравнивание следует оценить как позитивное явление, которое отражает рост в целом занятости населения в сельской местности, в том числе занятости пожилых людей на прежних рабочих местах в условиях снижения возрастной дискриминации на внутреннем рынке труда.

Обследование 2023 года выявило также выравнивание гендерных различий в занятости. В 2018 году уровень женской занятости был заметно выше: 35% против 29% у мужчин, хотя средний возраст мужчин в массиве опрошенных был несколько ниже среднего возраста женщин, а средневзвешенная субъ-

ективная оценка своего здоровья – немного выше, чем у женщин (Попова, Тараненко, 2019). В 2023 году заняты 28% женщин и 27% мужчин. При этом, как и в обследованиях 2013 и 2018 гг., женщины в большей степени стараются держаться своего старого рабочего места, в то время как мужчины, настроенные на продолжение трудовой деятельности с достижением пенсионного возраста, активной ведут себя в поисках новой работы на текущем рынке труда.

72,1% участников опроса 2023 года уже не работают. Почти все из них (1056 из 1068 человек) ответили на вопрос о причинах своей незанятости, некоторые отметили несколько вариантов ответа. Очередность распространенности ответов такая же, как и в предыдущих обследованиях. Подавляющее большинство (65,4%) указали в качестве причины незанятости то, что они на пенсии – заслужили отдых (подчеркнем, что подсказы к этому вопросу были сформулированы в 2018 году на основе ответов на вопрос «Если Вы уже не работаете, напишите, почему», заданный в обследовании 2013 года в открытой форме, т. е. респонденты сами предложили варианты ответов) (Попова, Зорина, 2020b). Как видим, достижение пенсионного возраста является вполне веской причиной для ухода с работы, т. е. невысокий пенсионный возраст не способствует реализации активного долголетия населения. 21% неработающих пенсионеров выбрали подсказ «работать уже не позволяет возраст». Такие ответы распространены среди респондентов в возрасте старше 75 лет. 20% указали на состояние здоровья. Чаще такой ответ встречается в возрастных группах опрошенных до 70 лет, что свидетельствует о том, что в ранних пенсионных возрастах именно состояние здоровья играет заметную роль относительно принятия решения оставить работу. Среди молодых пенсионеров важное значение для прекращения трудовой деятельности имеет необходи-

¹⁰ О внесении изменений в закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 162-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70405682> (дата обращения 15.08.2024).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Если Вы уже не работаете, напишите, почему»

Вариант ответа	Валидный % (от количества ответивших: 1056 чел.)
Я на пенсии – заслужил отдых	65,4
Возраст уже не позволяет работать	20,9
Не могу работать по состоянию здоровья	19,7
Много работы по дому, на огороде, на даче	4,2
Надо помогать детям в воспитании внуков	2,9
Ликвидировали предприятие (рабочее место), на котором я работал(а)	2,9
Пришлось уйти с работы, потому что работы молодым не хватает	2,0
Надо ухаживать за больными, престарелыми родственниками	1,3
Другое	0,4
Всего	119,8

Источник: данные социологического обследования «Проблемы третьего возраста», проведенного в 2023 году (ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН).

мость заниматься внуками и ухаживать за больными или престарелыми родственниками (табл. 2). Безусловно, эти причины чаще отмечаются женщинами и более распространены в сельской местности. На селе существенным основанием для занятости пенсионеров является работа по дому и на приусадебном участке.

Первые три позиции (пенсионный возраст, возраст в целом и состояние здоровья) имеют в 2023 году больший вес, чем в предыдущих обследованиях. В то же время недостаток рабочих мест для занятости пенсионеров имеет заметно меньшее значение. Можно сделать вывод, что в последнее время большую роль для занятости-незанятости людей старшего возраста играют их собственное решение и личные обстоятельства.

Как и в предыдущих обследованиях, в 2023 году был задан вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?». Он адресован всем участникам обследования, поэтому среди сформулированных подсказов есть вариант «Я и так работаю».

В 2018 году этот вариант выбрали 20,4% респондентов, в то время как на прямой вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» утвердительно ответили 33,7% опрошенных. Почти три четверти ответивших «Я и так работаю» (74%) были заняты на прежнем рабочем месте (67% в условиях полной занятости, 7% – частичной), еще 17% работали полную трудовую неделю на неквалифицированной работе. Это позволило нам сделать вывод, что в 2018 году, как и в 2013 году, в качестве полноценной занятости пенсионеры оценивали, главным образом, работу на своем прежнем рабочем месте и работу, не требующую квалификации, но на полную ставку. А прочая трудовая деятельность, хотя и приносящая доход, оценивалась как временная, ситуативная, более того, как вынужденная, обусловленная лишь экономическими мотивами, нуждаемостью, недостатком пенсии (Попова, Зорина, 2020b).

В 2023 году вариант «Я и так работаю» отметили 27,9% опрошенных (табл. 3) – ровно столько, сколько было утвердительных ответов на прямой вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?». Можно сделать вывод, что занятость лиц старшего возраста стала более эффективной.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?»

Вариант ответа	Общий % (от количества участников опроса: 1482 чел.)
Да	11,5
Нет	60,6
И так работаю	27,9
Всего	100,0

Источник: данные социологического обследования «Проблемы третьего возраста», проведенного в 2023 году (ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН).

На вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» в 2023 году утвердительно ответили 11,5% респондентов. В предыдущих обследованиях рассчитанный процент неработающих пенсионеров, которые желали устроиться на работу, получился аналогичным (в 2018 году – 11,6%, в

2013 году – 11,2%) (Попова, Зорина, 2014; Попова, Зорина, 2020b). Таким образом, резерв трудового потенциала людей пенсионного возраста по-прежнему составляет лишь немногим более 10%. При этом их занятость по сравнению с обследованиями 2013 и 2018 гг. заметно сократилась. Следовательно, по сути снизился трудовой потенциал людей старшего возраста. На наш взгляд, это прямое следствие 385-ФЗ, в соответствии с которым на момент проведения обследования уже 8 лет не производилась индексация пенсий работающим пенсионерам.

Большинство опрошенных (60,6%) на вопрос о желании поработать на пенсии ответили отрицательно. Эта цифра больше, чем в предыдущих обследованиях, т. е. выше половины людей старше 55 лет считают, что они уже заслужили право на отдых. Безусловно, распространенность такого варианта ответа очень тесно связана с возрастом: как и в обследованиях 2013 и 2018 гг., желание трудиться преобладает примерно до 65 лет, а в старших возрастах уже большая часть опрошенных отдает предпочтение заслуженному отдыху.

Отсутствие желания работать на пенсии, как и в рамках предыдущих обследований, имеет обратную связь с уровнем образования, от которого зависят характер занятости и условия труда. Более распространено стремление отдохнуть в пенсионном возрасте среди женщин, занятость которых в течение трудовой жизни, как правило, характеризуется двойной нагрузкой (на работе и дома), но разница статистически незначима – 61,5% против 58,3% у мужчин; также в небольших населенных пунктах (62,5% в сельской местности в сравнении с 59,5% в городской), что, очевидно, связано с более тяжелыми условиями труда и высокой занятостью сельских жителей в домашнем и приусадебном хозяйстве. Т. е. продолжение работы в пенсионном возрасте определяется не только возрастом и хорошим состоянием здоровья, но и зависит от условий труда, а также возможности работать без двойной нагрузки.

Заключение

Таким образом, снижение уровня занятости пенсионеров по старости, начавшееся после приостановки индексации пенсий работающим пенсионерам, продолжается, в том числе после начала поэтапного повышения пенсионного возраста. В 2023 году доля занятых пенсионеров составила в Коми 25,5%, т. е. уменьшилась по сравнению с 2015 годом более чем в два раза. На фоне сокращения занятости резерв трудового потенциала людей пенсионного возраста, как и по результатам исследований 2013 и 2018 гг., составляет в Коми немногим более 10%, что свидетельствует о снижении к 2023 году трудового потенциала людей старшего возраста. На наш взгляд, это следствие многолетней приостановки индексации пенсий работающим пенсионерам.

В то же время занятость лиц старшего возраста стала более эффективной: больше пенсионеров трудятся на своих прежних рабочих местах на условиях полной или частичной занятости, поскольку в условиях проведения политики активного долголетия и повышения пенсионного возраста в меньшей мере проявляется возрастная дискриминация на внутреннем рынке труда. Однако в основном это касается молодых пенсионеров – с увеличением возраста пожилые работники продолжают вытесняться со своих рабочих мест.

Стремление к продолжению трудовой деятельности, которое зависит от состояния здоровья, условий труда, а также остроты проблемы двойной занятости, по-прежнему преобладает лишь у людей в возрасте до 65 лет. В условиях нарастания экономических вызовов демографического старения обществу следует ориентироваться на максимально полное использование трудового потенциала населения старших возрастов с целью получения второго демографического дивиденда. На наш взгляд, возобновление в 2025 году индексации размеров страховых пенсий работающим пенсионерам будет способствовать росту трудового потенциала и стимулировать повышение занятости пенсионеров «средних» возрастов.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков В.Н. (2019). От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11
- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. (2020). Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 1. С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2
- Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. (2017). Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 89–103. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.6
- Доброхлеб В.Г., Кучмаева О.В., Брагин А.Д., Афзали М. (2022). Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11
- Казбекова З.Г., Калабихина И.Е. (2023). Прогноз динамики демографического дивиденда в России с учетом пенсионной реформы и пандемии // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 15. № 3. С. 68–82. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82
- Козина И.М., Зангиева И.К. (2014). Возрастная дискриминация при приеме на работу // Дискриминация на рынке труда: современные проявления, факторы и практики преодоления: мат-лы круглого стола ИЭ РАН. Москва. С. 50–63.
- Левинсон А.Г. (2011). Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. Т. 109. № 3. С. 52–81.
- Попова Л.А., Зорина Е.Н. (2014). Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. Сыктывкар. 122 с.
- Попова Л.А., Зорина Е.Н. (2019). Состояние здоровья населения старшего возраста в регионе как фактор увеличения продолжительности жизни // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Москва. Ч. 2. С. 700–705.
- Попова Л.А., Зорина Е.Н. (2020а). Вопросы реализации ресурсного потенциала пожилых людей в сфере образования // Time description of economic reforms. № 2 (38). С. 89–97. DOI: 10.32620/cher.2020.2.11
- Попова Л.А., Зорина Е.Н. (2020b). Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9
- Попова Л.А., Зорина Е.Н. (2020с). Социальное самочувствие старшего поколения в условиях экономического кризиса и реформирования пенсионной системы // Социальное пространство. Т. 6. № 5. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.2
- Попова Л.А., Зорина Е.Н. (2024а). Демографические аспекты постарения населения России в соответствии с новым экономическим порогом старости // Регион: экономика и социология. № 2 (122). С. 81–104. DOI: 10.15372/REG20240204
- Попова Л.А., Зорина Е.Н. (2024b). Трудовой потенциал населения третьего возраста в реализации активного долголетия // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2024: сб. статей Девятой Всерос. науч.-практ. конф. (г. Сыктывкар, 18–20 сентября 2024 г.): в 2 ч. Сыктывкар. Ч. I. С. 155–166.
- Попова Л.А., Тараненко Н.Н. (2019). Оценка состояния здоровья пожилых людей в условиях новой кампании диспансеризации населения (на примере Республики Коми) // Социальное пространство. № 5. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.8
- Хоткина З.А. (2013). «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народонаселение. № 3. С. 27–37.
- Bloom D., Canning D. (2003). From demographic lift to economic liftoff: The case of Egypt. *Applied Population and Policy*, 1 (1), 15–24.
- Bloom D., Canning D., Sevilla J. (2003). *The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change*. Rand Corporation. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf (accessed 15.08.2024).
- Bloom D.E., Canning D., Hu L. [et al.] (2010). The contribution of population health and demographic change to economic growth in China and India. *Journal of Comparative Economics*, 38 (1), 17–33. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2009.11.002>

- Bloom D.E., Canning D., Sevilla J.P. (2001). Economic growth and the demographic transition. *NBER Working Paper 8685*. Available at: <https://www.nber.org/papers/w8685> (accessed 15.08.2024).
- Bloom D.E., Finlay J.E. (2009). Demographic change and economic growth in Asia. *Asian Economic Policy Review*, 4 (1), 45–64. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1748-3131.2009.01106.x>
- Bloom D.E., Williamson J.G. (1998). Demographic transitions and economic miracles in emerging Asia. *The World Bank Economic Review*, 12 (3), 419–55. Available at: <https://doi.org/10.1093/wber/12.3.419>
- Kotschy R., Bloom D.E. (2023). *Population Aging and Economic Growth: from Demographic Dividend to Demographic Drag?* Available at: <https://docs.iza.org/dp16377.pdf> (accessed 15.08.2024).
- Lee R., Mason A. (2006). What is the demographic dividend? *Finance and Development*, 43 (3), 16.
- Mason A. (2005). *Demographic Transition and Demographic Dividends in Developed and Developing Countries. United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures*. New York: United Nations, Population Division. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/expert/9/full_report.pdf#page=95 (accessed 15.08.2024).
- Mason A., Kinugasa T. (2008). East Asian economic development: Two demographic dividends. *Journal of Asian Economics*, 19 (5–6), 389–399. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2008.09.006>
- Mason A., Lee R. (2006). Reform and support systems for the elderly in developing countries: Capturing the second demographic dividend. *Genus*, 62 (2), 11–35. Available at: <https://www.jstor.org/stable/29789308> (accessed 15.08.2024).
- Sidorenko A. (2019). Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries. *Population and Economics*, 3 (3), 1–22. Available at: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e47236>
- Van Der Gaag N., De Beer J. (2015). From demographic dividend to demographic burden: The impact of population ageing on economic growth in Europe. *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*, 106 (1), 94–109. Available at: <https://doi.org/10.1111/tesg.12104>
- Williamson J.G. (2013). Demographic dividends revisited. *Asian Development Review*, 30 (2), 1–25. Available at: https://doi.org/10.1162/ADEV_a_00013

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: porova@iespn.komisc.ru)

Елена Николаевна Зорина – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru)

Porova L.A., Zorina E.N.

EFFECTIVE USE OF THE SECOND DEMOGRAPHIC DIVIDEND (THE CASE OF THE KOMI REPUBLIC)

The article considers the issues related to the implementation of the elderly population’s resource potential in the field of labor, assesses the level and nature of employment of pensioners as an opportunity to use the second demographic dividend in an ageing population. The information base includes the official data of Rosstat and the results of three sociological surveys conducted in 2013, 2018 and 2023. The authors assessed the level and type of working pensioners’ labor activity in the context of active longevity policy implementation, suspension of pension indexation for working pensioners and gradual increase of the retirement age. It was found that the decline in the employment level of pensioners, which began after the suspension of pension indexation, continued after the start of the increase in the retirement age. In comparison with 2015, the employment of retired people in

Russia and Komi Republic has decreased more than twice. Against the background of the decrease in employment, the reserve of the labor potential of older people in 2023 is a little more than 10% in Komi, which is also confirmed by the results of studies in 2013 and 2018. This indicates a decrease in the labor potential of the population above working age, which is a consequence of the long-term suspension of pension indexation for working pensioners. At the same time, the type of employment of older people has become more effective: more retired people are working at their former jobs on a full-time or part-time basis, since the policy of active longevity and raising the retirement age has reduced age discrimination in the domestic labor market. However, this is mainly the case for young retirees, older workers continue to be displaced from their jobs as they age. The desire of retired people to continue working, prevails only until age 65, as well as it was 10 years ago. In the context of the growing economic challenges of demographic ageing, society should focus on fully utilizing the work potential of the older population in order to reap the second demographic dividend. The forthcoming resumption of indexation of insurance pensions for working pensioners will contribute to the growth of the labor potential and stimulate the increase in employment of “middle” age pensioners.

Demographic aging, active longevity, second demographic dividend, retirement age, labor activity of elderly people, Komi Republic.

REFERENCES

- Barsukov V.N. (2019). From the demographic dividend to population ageing: world trends in the systemwide transition. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(4), 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11 (in Russian).
- Barsukov V.N., Kalachikova O.N. (2020). The evolution of demographic and social construction of the age of “old age”. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(1), 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2 (in Russian).
- Bloom D., Canning D. (2003). From demographic lift to economic liftoff: The case of Egypt. *Applied Population and Policy*, 1 (1), 15–24.
- Bloom D., Canning D., Sevilla J. (2003). *The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change*. Rand Corporation. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf (accessed: August 15, 2024).
- Bloom D.E., Canning D., Hu L. et al. (2010). The contribution of population health and demographic change to economic growth in China and India. *Journal of Comparative Economics*, 38(1), 17–33. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2009.11.002>
- Bloom D.E., Canning D., Sevilla J.P. (2001). Economic growth and the demographic transition. *NBER Working Paper 8685*. Available at: <https://www.nber.org/papers/w8685> (accessed: August 15, 2024).
- Bloom D.E., Finlay J.E. (2009). Demographic change and economic growth in Asia. *Asian Economic Policy Review*, 4(1), 45–64. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1748-3131.2009.01106.x>
- Bloom D.E., Williamson J.G. (1998). Demographic transitions and economic miracles in emerging Asia. *The World Bank Economic Review*, 12(3), 419–55. Available at: <https://doi.org/10.1093/wber/12.3.419>
- Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. (2017). Demographic theories and the regional aspect of population ageing. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(6), 89–103. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.6 (in Russian).
- Dobrokhleb V.G., Kuchmaeva O.V., Bragin A.D., Afzali M. (2022). Demographic dividends: formation and use in the CIS and the Baltic countries. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11 (in Russian).
- Hotkina Z.A. (2013). “Normal labor potential” and age discrimination. *Narodonaselenie=Population*, 3, 27–37 (in Russian).
- Kazbekova Z.G., Kalabikhina I.E. (2023) Forecast of the demographic dividend dynamics in Russia: Influence of the pension reform and the pandemic. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyi zhurnal=Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*, 15(3), 68–82. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82 (in Russian).

- Kotschy R., Bloom D.E. (2023). *Population Aging and Economic Growth: from Demographic Dividend to Demographic Drag?* Available at: <https://docs.iza.org/dp16377.pdf> (accessed: August 15, 2024).
- Kozina I.M., Zangieva I.K. (2014). Age discrimination in hiring. In: *Diskriminatsiya na rynke truda: sovremennye proyavleniya, faktory i praktiki preodoleniya: mat-ly kruglogo stola IE RAN* [Discrimination in the Labor Market: Modern Manifestations, Factors and Practices of Overcoming: Proceedings of the Round Table IE RAS]. Moscow.
- Lee R., Mason A. (2006). What is the demographic dividend? *Finance and Development*, 43(3), 16.
- Levinson A.G. (2011). Institutional frames of aging and old age in Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: dannye, analiz, diskussii= The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, 109(3), 52–81 (in Russian).
- Mason A. (2005). *Demographic Transition and Demographic Dividends in Developed and Developing Countries. United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures*. New York: United Nations, Population Division. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/expert/9/full_report.pdf#page=95 (accessed: August 15, 2024).
- Mason A., Kinugasa T. (2008). East Asian economic development: Two demographic dividends. *Journal of Asian Economics*, 19(5–6), 389–399. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2008.09.006>
- Mason A., Lee R. (2006). Reform and support systems for the elderly in developing countries: Capturing the second demographic dividend. *Genus*, 62(2), 11–35. Available at: <https://www.jstor.org/stable/29789308> (accessed: August 15, 2024).
- Popova L.A., Zorina E.N. (2014). Economic and social aspects of population aging in Northern regions of Russia [*Ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty stareniya naseleniya v severnykh regionakh Rossii*]. Syktyvkar.
- Popova L.A., Zorina E.N. (2019). Health status of elderly people in the Komi Republic as a factor in increasing life expectancy. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik=Russia: Trends and Prospects of Development. Yearbook*, 14, 700–705. Moscow: RAS, INION (in Russian)
- Popova L.A., Zorina E.N. (2020a). Issues of resource potential implementation elderly people in education. *Time Description of Economic Reforms*, 2(38), 89–97. DOI: 10.32620/cher.2020.2.11 (in Russian)
- Popova L.A., Zorina E.N. (2020b). Implementing active aging in the labor sphere (case study of the Komi Republic). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(2), 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9 (in Russian)
- Popova L.A., Zorina E.N. (2020c). Social well-being of the elderly generation in the conditions of the economic crisis and pension system reform. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 6(5). DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.2 (in Russian)
- Popova L.A., Zorina E.N. (2024a). Demographic aspects of population ageing in Russian according to the new economic criterion of old-age. *Region: ekonomika i sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 2(122), 81–104. DOI: 10.15372/REG20240204 (in Russian).
- Popova L.A., Zorina E.N. (2024b). Labor potential of the population of the third age in the realization of active longevity. In: *Aktual'nye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Severa – 2024: sb. statei Devyatoi Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Syktyvkar, 18–20 sentyabrya 2024 g.): v 2 ch.* [Actual Problems, Directions and Mechanisms of Development of Productive Forces of the North – 2024: Collection of Articles of the Ninth All-Russian Scientific-Practical Conference (Syktyvkar, September 18–20, 2024): in 2 parts]. Syktyvkar.
- Popova L.A., Taranenko N.N. (2019). Assessment of elderly people's health in the new campaign of medical examination of the population (case study of the Komi Republic). *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 5 (22). DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.8 (in Russian)
- Sidorenko A. (2019). Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries. *Population and Economics*, 3(3), 1–22. Available at: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e47236>
- Van Der Gaag N., De Beer J. (2015). From demographic dividend to demographic burden: The impact of population ageing on economic growth in Europe. *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*, 106(1), 94–109. Available at: <https://doi.org/10.1111/tesg.12104>
- Williamson J.G. (2013). Demographic dividends revisited. *Asian Development Review*, 30(2), 1–25. Available at: https://doi.org/10.1162/ADEV_a_00013

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa A. Popova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

Elena N. Zorina – Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru)